

День космонавтики / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

День космонавтики / рассказ ДЕНЬ КОСМОНАВТИКИ

«И дольше века длится день

И не кончается объятье.»

Борис Пастернак

Утро 05:38

Хаджар разбудило тревожное сновидение. Усилившийся за ночь ветер, отдернул занавеску, и солнце, пробившись сквозь окно, отбросило полосу белого света на ее подушку. Прикрыв глаза, она пыталась вспомнить приснившийся ей сон, но его обрывки, никак не складывались в цельную картину, а таяли, будто хлопья снега на теплой ладони. Помнила она только, что снился ей покойный муж с розовым кустом на голове, и, что проснулась она от боли в правой руке. Хаджар вытянула перед собой руку, внимательно ее осмотрела, однако ни синяков, ни следов от ран на ней не обнаружила, а лишь в очередной раз поразилась тому, как незаметно к ней подкралась старость и накрыла ее тело увядшей кожей.

Створка окна билась о раму. В спальне тикали напольные часы. Прохладное белое солнце пожелтело, и жаром своих лучей стало гнать ее с кровати.

«А мы, интересно, снимся тем, кто уже на том свете?», – задумалась Хаджар, но, удивившись дерзости своего вопроса, трижды вслух повторила:

– Estağfurullah, estağfurullah, estağfurullah...

Извинившись перед Всевышним на языке священного Корана, она вдруг спохватилась, что проспала утреннюю молитву.

«К добру ли?» – забеспокоилась Хаджар, сложив в уме два случившихся за это утро события: сон с Агасалимом и пропущенный намаз. Но утешив себя мыслью, что совершит его вместе с зухром¹, она встала с кровати.

Такое случалось и прежде. Усопшие нет-нет да посылали с того света привет – снились жителям нашего Городка. Своим близким – детям, жене, сестре или брату. Тогда живые поручали мулле прочесть Аль-Фатиху² и раздавали халву. Никто из нас не задавался вопросом, к чему декламировать вслух молитву – всем было ясно без слов: молитва усмирит чем-то взволнованный дух усопшего. Но никто так и не понял, почему живые потворствовали нафсу покойника халвой? А за отсутствием логического объяснения вопрос этот оставался риторическим, отчего лишь крепчала его сакральность. Итак, покойник добивался своей цели. Его, выпрашивая у Всевышнего, кто благодати в могилу, а кто обетованного уголка на небесах, вспоминали не только родичи, но и соседи. Все, кому доставалась халва – сладкая на вкус, цвета абшеронского заката в самый жаркий августовский вечер.

Покойный Агасалим снился Хаджар часто. То ли оттого, что по прихоти рока стал ей единственным родственником, то ли, потому что ангел смерти Азраил забрал его не так давно – в середине прошлого лета, то ли бессознательное во сне проделывало свою рутинную работу. Но с открытиями австрийских ученых мужей Хаджар знакома не была, и потому, согласно закрепившейся за ней репутации безупречной хозяйки, она, не мешкая заправляла постель и шла к плите. Вот и сегодня, как и многие дни назад, она стянула с подушки влажную наволочку, натянула на нее свежую – накрахмаленную и подсиненную («С синькой я, видать, переборщила...»), – отряхнула простынь от выпавших белых волос – лишившихся за месяцы траура рубинового окраса хны, – и направилась в ванную комнату с мыслями о том, что стряпня заполнит пусть и ненадолго предстоящий день.

Прочесть Аль-Фатиху за упокой души мужа Хаджар никого не просила. Агасалим был не только уважаемым муллой Городка, но и человеком весьма дальновидным. Так, он не поленился обучить ее ремеслу, которое передалось ему от его кровного дяди – бездетного муллы Мешади³ Алекпера. И перелистывая страницы своего служебного Корана, она всегда поминала добрым словом прозорливого, но бесплодного супруга – за то, что тот не оставил ее без куска хлеба в ее одинокой жизни, в двери

которой каждое утро напрашивалась старость.

Омывание тел умерших женщин, чтение молитв на третий, седьмой, сороковой день после их ухода из жизни, поминки по случаю годовщины... – все это проходило в неизменном присутствии муллы Хаджар. Мулла Хаджар не только распевала обязательные аяты на арабском языке. Жительницам Городка она рассказывала назидательные притчи и хадисы, и далекие эти истории возвращали их, обескураженных встречей с непреклонной волей смерти, к действительности. Потому и заслужила Хаджар славу самой красноречивой муллы Абшерона. Полуострова, угнездившегося на клюве парящей карты Азербайджана.

Но никто из них, собравшихся за поминальным столом, где в грушевидных стаканах остывал чай, а на блюдечках поблескивала халва (искушавшая их расхождением желаний: отведать ли сладости, или выдержать нормы, наложенные этикетом траура?), не догадывался о том, что мулла Хаджар сдабривает общую скорбь по умершей не одной только личной драмой бездетного вдовства.

06:27

Хаджар обшарила холодильник, все кухонные полки, но тщетно: дошаба в своих запасниках она не нашла. Можно было, конечно, заменить его куркумой – пряность тоже выдала бы свой золотистый оттенок, но не придала бы она халве тот особый вкус, что отличал лакомство, приготовленное ею от тех, что стряпали не слишком радивые хозяйки Городка.

За дошабом Хаджар решила пойти к ближайшей своей соседке. Знала, что у той он есть наверняка («Вряд ли Вера вообще к нему притрагивалась»). Сама ведь ее угощала этим густым тутовым сиропом, который не продавался ни в маленьких ларьках, ни в больших магазинах, а только привозили его из далеких районов разъездные торговцы. Да и то их было не дожидаться – никто не знал, когда они заявятся в Городок в следующий раз. Перед выходом из дома она все же заглянула и в кладовую, в надежде на то, что там, быть может, найдутся запасы сиропа.

Подняв щеколду кладового шкафа, Хаджар подумала, что неплохо бы смазать дверь («Скрипит, как ржавые дачные ворота») и отделаться от залежалых продуктов. Из кладовки, которую после смерти мужа она открывала впервые, потянуло затхлостью, и резкий запах вызвал раздражение в носу. На ее полках, куда не проникал свет, а только – прохладный полумрак бесшумного дома, лежали банки с маринованными баклажанами, листьями винограда... При виде листьев, Хаджар невольно задумалась о приближении дачного сезона.

Каждое лето они с Агасалимом проводили в загородном доме. Окруженный неприхотливыми смоковницами, кустами виноградников, застывшими ветряными мельницами и наспех построенными кулафиранги⁴, выкрашенный известью дачный домик-куб всегда приветствовал их скрипучими половицами и белыми стенами. («Кто теперь виноградники-то подрезать будет? А дачный двор? Зарастет ведь бурьяном... Гюрзы, глядишь, разведутся...»)

Как и ожидала Хаджар, единственная банка с инжировым вареньем оказалась засахаренной («Теперь, когда Агасалима нет, инжировое варенье готовить ни к чему»). После замужества плоды инжира ей никогда не приходилось покупать на базаре – каждый год на корявых ветках их дачных смоковниц поспевали сочные ягоды, оставлявшие на языке шершавое послевкусие.

Смоковницы возвышались вдоль низкого забора. Выложенный из камня, он проводил границу между соседним двором, где жил Тельман-художник. Тельман вел уроки рисования в интернате для трудных подростков, но рожденный под знаком Льва (о чем он за частыми партиями в домино не раз повторял Агасалиму, настаивая на его этим своей чрезмерной увлеченностью астрологией), он был не прочь напустить на себя апломба. То и дело он цитировал Ван Гога – «Я скорее умру от страсти, чем от скуки!» – и Пабло Пикассо – «Я не ищу. Я нахожу!». А однажды, громко стукнув перед этим черно-белой костяшкой по столешнице, он вдруг заявил: «Мой виноград самый лучший здесь и в окрестностях! Точка!», чем вывел из себя обычно флегматичного Агасалима.

Одна Алдона похихатывала в ответ на его высокопарные реплики. С тихой женой Тельмана Назилей, та познакомилась в Ленинграде на курсах повышения квалификации для инженеров-химиков, и с тех пор, сблизившиеся благодаря резкой полярности своих темпераментов, они навещали друг друга каждый год – кто в Паневежисе, а кто в Баку.

С Алдоной был связан случай, достоверность которого долгое время ставилась под сомнение, и, в итоге, вопрос: «А правдой это было или выдумкой Рустама?» так и остался для всех открытым.

Племянник Агасалима Рустам, каждый год, приезжавший к дяде на школьные каникулы, и каждый год, не вынеся дачной скуки, за месяц до окончания каникул, возвращавшийся обратно к родителям, растянулся как-то на заборе с зеленым томиком Толстого. «Над ним не было ничего уже, кроме неба, – высокого неба, не ясного, но все-таки неизмеримо высокого, с тихо ползущими по нем серыми облаками. «Как тихо, спокойно и торжественно, совсем не так, как я бежал, – подумал князь Андрей, – не так, как мы бежали, кричали и дрались, совсем не так, как с озлобленными и испуганными лицами тащили друг у друга банник француз и артиллерист, – совсем не так ползут облака по этому высокому бесконечному небу...» – читал Рустам, продираясь сквозь собственную дрему и размышления князя Болконского. Но вдруг налетевшая на книгу пчела заставила его обернуться в сторону соседнего двора... Тут-то он и увидел, как обнаженная по пояс Алдона собирает спелый виноград.

В ушах Рустама еще долго стоял дружный рев сигналов «Жигули», проезжавших мимо дачи известного на весь поселок художника, но, когда вечером за ужином он описал дяде Агасалиму явившуюся его глазам картину, тот ответил ему с улыбкой: «Это ты в своей книжке прочел или солнце тебе в голову ударило? Фантазер!».

Вот почему на просьбу учительницы литературы написать изложение на тему «Как я провел это лето?» Рустам (записанный в русскую школу по настоянию его матери, – «городской штучки», как называли ее за глаза жительницы Городка) не стал описывать этот нетипичный случай, а ограничился банальным текстом в духе

учебника по хрестоматии.

Только однажды Рустам все же смог заставить поверить себе. Прибежав к Хаджар, в это время ловко переворачивавшей свой знаменитый пышный омлет с фенхелем на обратную сторону раскаленной сковородки, он вдруг заявил:

– Под кроватью выросло дерево!

Хаджар не сразу откликнулась на очередное сенсационное заявление племянника, а, только покончив со стряпней, последовала за ним, уже радостно предвкушавшим свой триумф, и как оказалось позднее – вполне заслуженным. Отодвинув, ниспадающее с железной кровати покрывало, она, увидела, что из трещины дощатого пола пробилась ветка инжира...

Банку с подпорченным вареньем Хаджар отложила в сторону, и достала другую – с белой черешней. Передвинув коробки с заплесневелыми хлопьями нелюбимой овсянки и давно просроченным кофе, но, так и не обнаружив дошаба, она решила, что, покончив с делами, возьмется за уборку в кладовке, и собралась было уйти, но небольшой сверток в углу нижней полки задержал ее. Осторожно развернув его, она извлекла из целлофанового пакета бугорчатый кусочек камня, напомнившего ей пемзу для оттирки задубевших пяток. Разве что этот был с рябью желтоватых пятен. Что это и кто его здесь оставил, она припомнить не могла. Он был без запаха, но затхлый дух, исходивший из кладовки, вызвал раздражение в носу. Хаджар чихнула и вспомнила, что странный камешек в свертке это мышьяк.

07:07

В тихой кухне привычно громко тикали часы. В первые недели после смерти Агасалима это тиканье сопровождало ее повсюду, внушая страх и усиливая чувство незнакомого ей прежде одиночества. В прихожей, в гостиной, в спальне перед запаздывающим сном раздавались, ставшие вдруг громкими тик-так. Тогда Хаджар, набросив на зеркала и экран цветного телевизора черные покрывала, стала с нетерпением ждать наступления той поры, когда вместе с уходом мужа зазвучавшее по-новому время обратится для нее во что-то уже привычное. И

это время наконец наступило.

Взглянув на часы, Хаджар решила, что рано еще беспокоить Веру, и зажгла под чайником газ.

За мерным посапыванием чайника она вспоминала. Так, из стремительно покрывающихся слоем забвения воспоминаний, хаотично разбросанных по разным углам памяти, Хаджар сумела извлечь нужный ей фрагмент.

Как-то раз Агасалим вернулся домой с гостинцами, — с французскими духами «Turbulences», марочной рубашкой в сине-белую полоску и бирюзовым свертком, подобранным, словно в тон цвета флакона духов.

В тот день в единственной мечети Городка единственный ее имам Агасалим провел обряд имянаречения для внука своего давнего друга геолога Гасыма, с которым служил в «королевских войсках» стройбата под Наро-Фоминском. Никогда не отказывавший себе в удовольствии подшутить над друзьями, Гасым в знак благодарности вручил ему не только подарки, но и коробок с мышьяком.

— Против крыс и прочих недругов, — добавил он, довольный своей остротой.

Шутка хоть и показалась Агасалиму неудачной, от мышьяка он, тем не менее, не избавился.

— Положи его куда-нибудь подальше, — сказал он жене. — Может, и понадобится, если вдруг заведутся мыши.

Подаренная Гасымом рубашка оказалась Агасалиму мала, а духи «Turbulences» (или Турбуляньш, как называла их соседка Вера) оставались на трюмо и после того, как в их круглом флаконе не осталось ни капли янтарной жидкости.

Засвистевший чайник отвлек Хаджар от воспоминаний.

08:34

Каждый раз, когда Хаджар стояла за дверью Веры, ее посещала мысль о хитрых зигзагах судьбы. Судьба же обошлась с Верой немилосердно. Она подкинула ей коварнейшее чувство — близорукую страсть. Оставив в Брянске место лучшей закройщицы швейной фабрики «Дубровская», она приехала в Городок с самой

большой в своей жизни любовью, – с еле спрягающим русские глаголы дальнобойщиком по имени Махмуд. Чем чаще водка обжигала горло Махмуда, тем реже ему удавалось сесть за руль своей красно-синей фуры, и тем усерднее Вера обшивала жительниц Городка сложными фасонами. Так, день за днем к Вере возвращалась зоркость, и любовная слепота больше никогда не затуманивала ей сердце. Лишь в одном Всевышний проявил к ней милосердие – он подарил ей дочь, которую русская родня называла Соней, свои же звали Соной.

На все советы многочисленных клиенток, словоохотливых подружек, сердобольных соседок отправить мужа в дурдом и вернуться к себе – на родину, Вера отвечала кратко и загадочно: «Это мой крест». Чем заслужила она крест в виде мужа, который в приступе белой горячки не раз хватался за спрятанный под матрацем нож, но был не в силах им распорядиться, ибо всем в его нетрезвой жизни распоряжалась жена, жительницы нашего Городка могли только догадываться. В каркас выстроенных ими предположений не вклинивалась подлинная версия ее греха.

Вот о чем думала Хаджар, пока Вера, ссутулившаяся и погрузневшая за годы сидячей службы за швейной машинкой «Подольск-142», шла открывать ей дверь. Шла, тяжело ступая, словно, в самом деле, держала на спине Христовый крест.

Вера халву не готовила. Не любила она ее сладкий вкус, эту кашицу, утопающую в масле. Да и стряпать замысловатые блюда ей было некогда. Дни напролет она проводила за мерками и шитьем чужих нарядов, потому и дошаб, пользовавшийся славой эликсира – снадобья от тысячи болезней, – стоял у нее нетронутым. Махмуд тянулся за тем, что погорячее, ей же следить за собственным здоровьем не доставало сил, а теперь и двухлетний внук забирал все ее свободное время. Но это время Вера отдавала ему, нисколько об этом не сожалея.

Хаджар стояла в дверях, когда увидела прибежавшего на голос незнакомой женщины малыша. В мальчике она тут же узнала Сону, а та была точной копией Махмуда, разве что курносый профиль выдавал ее родство с Верой. В нем же не было и следа сходства

с русской родней. Всего-навсего курчавые волосы намекали на что-то уже инородное. «Наверное, в своего отца-турка», – подумала про себя Хаджар, невольно изучая лицо ребенка.

– Не стой на пороге, сестра! – окликнул ее Махмуд.

Каждый раз, когда Махмуд называл ее сестрой, Хаджар казалось, что он при этом чувствует себя эдаким героем – человеком, сумевшим перелистать прошлое и готовым относиться к ней с почтением, как и подобает настоящему мужчине. Но Хаджар знала, что в корне подобного обращения (хоть и отмечала это с легким уколом в сердце) лежит обыкновенное равнодушие. Тогда как это самое равнодушие никогда не являлось ее сильной чертой.

– Не стой на пороге, сестра. Проходи в дом, – повторил Махмуд.

– Как назвали? – спросила Хаджар, кивнув в сторону мальчика.

– Теймуром. Тимой, – откликнулась вместо мужа Вера, вернувшаяся из кухни с пиалой в руках.

– Тима, Тимка, Тимур к нам погостить приехал...

Хаджар знала, что Вера вот уже второй год как стала бабушкой, но только этой весной Сона привела внука к родителям.

– Хорошенький, – ответила она, улыбнулась самой учтивой из своих улыбок и взяла у засюсюкавшей Веры пиалу с дошабом.

– погоди! – бросила ей Вера вдогонку, спускаясь по ступеням лестницы во двор. – Роз тебе нарву. Таких ты еще не видала!

В крошечном дворике, фундамент которого был заложен еще отцом Махмуда, уместались, попеременно объявляя то войну, то краткосрочное перемирие, не только семьи двух деверей Веры, но и Верин палисадник с вечнозелеными фикусами и кактусами, ирисами и нарциссами, кустами жасмина и разноцветных роз.

Придержав одной рукой слегка распустившийся бутон, Вера ловко отстригла стебель розы садовыми ножницами.

– Красивые... Откуда они? – спросила Хаджар.

– Дочь привозила. Купила в Париже, когда там с мужем отдыхала.

– Сорт, наверное, особенный...

– Да! «Ив Сен-Лоран» называется, – хвастливо отозвалась Вера.

Хаджар забрала протянутые ей цветы и вскрикнула от боли – острое шипа розы проткнуло плоть ее безымянного пальца.

– Пустяки. Не больно – ответила она на предложение Веры обработать место йодом, и, попрощавшись, Хаджар направилась к

железным воротам.

Любимец Махмуда кот Рыжик, сопровождаемый отчаянным лаем собаки, перебежал ей дорогу. Хаджар испуганно вздрогнула, но тут же вспомнила, что пес Алабаш давно привязан к тяжелой цепи.

09:11

Вернувшись к себе, Хаджар обвязала ранку пластырем и только потом поставила розы в вазу с водой.

Хаджар прошла в кухню и достала из холодильника банку с белой черешней. Та едва охладилась, но ей не терпелось попробовать варенья с ореховой начинкой, и в крошечную розетку она положила пару ложек. («Переварила, кажется, немного... Но цвет удался».)

Цвет вываренной в сахаре черешни напомнил ей соседского кота – ярко рыжим пятном только что промелькнувший перед ее глазами. Откормленный и вальяжный, Рыжик, похоже, был привязан к одному Махмуду. Он то и дело терся о подолы его брючин, вспрыгивал ему на колени, и получал от своего хозяина щедрую порцию внимания и ласки. Всех же остальных кот обходил стороной.

Попробовав ложку варенья, Хаджар отхлебнула чая и вспомнила еще одного рыжего, но на этот раз человека.

Как звали на самом деле веснушчатого рыжеволосого Чильто, не помнил никто. Даже его родная мать вконец подхватила кличку, приставшую к нему после того, как однажды, на глазах у восхищенных приятелей и друзей детства он один за другим стал вливать в себя сорок рюмок водки. Победа в том споре принесла ему выигрыш в размере ста советских рублей и прозвище, которое на языке жителей Городка означало «сорок».

Однажды, после того, как в Городке уже прошелся слух о том, что племянник Мешади Алекпера берет в жены бывшую невесту Махмуда, Чильто за игрой в нарды в скверике вдруг бросил Агасалиму в лицо: «Зачем тебе эта бракованная?» Агасалим не попросил его повторить произнесенные слова, как это часто в летнем клубе делали бесстрашные герои кинофильмов. Он, молча к нему приблизился, и, не дав ему выплюнуть папиросу, схватил

Чильто за горло и опрокинул его огненно-рыжую голову в бассейн, наполненный водой и белыми цветами диких вишен. После того случая, Агасалим навсегда покончил с насмешками в свой адрес, разве что с приглушенными сплетнями, которыми так охотно делились друг с другом жительницы Городка, поделаться ничего не мог.

Всю площадь небольшой кухни освещало солнце. Почти нетронутое варенье из белой черешни переливалось под его лучами. Хаджар заметила, что у розетки отколот край. («Выброшу – нельзя хранить дома сломанные вещи. Хотя... Какая уже разница».)

09:57

Хаджар отворила окно, и гостиная наполнилась болтовней разных птиц. Только сейчас она заметила, как за год вымахал соседский инжир и выглядывал из-за каменного забора своей озеленившейся кроной. «Двенадцатое, – подумала Хаджар. То ли вернулся Юрий Гагарин на Землю, то ли затерялся там, в безлюдном Космосе...» В этом она обычно путалась, но этот день вспоминала каждый год. Да и как же ей было не вспомнить, как много лет назад двенадцатого апреля весть о возвращении Махмуда всколыхнула полусонные будни Городка.

Стакан сахарного песка, пачка сливочного масла, немного пшеничной муки, ложка дошаба, и можно было приступить к делу. Помешивая на раскаленной сковороде еще не халву – пока только бледную смесь, Хаджар вспоминала разное, но чаще всего свои попытки достучаться до Всемогущего мольбами о ребенке. Просить Хаджар не любила, лишь к одному Ему обращались ее молитвы. Визиты к врачам и гадалкам, походы к святым местам и щедрые подношения в храмах оказались бесполезными. Даже Аллах, умевший решительно все, не мог изменить ни строчки в Книге ее судьбы. Теперь же воспоминания не причиняли ей боли, а только проносились в тихом доме безмолвные, как облака. Подчас Хаджар их не замечала даже.

Хаджар погасила огонь под чугунной сковородой и отодвинула штору. Переложив халву в глубокое блюдо, она подошла к окну и опустила его на подоконник. В эту минуту взгляд Хаджар вновь

столкнулся со свертком мышьяка – не зная еще, что с ним делать, она оставила его в углу подоконника. Потянувшись к поскрипывающей форточке, Хаджар заметила в окне Веру, развешивающую белье на своей веранде. Возле нее на трехколесном велосипеде делал круги Тимка.

Вдруг отчаянная, как лай разгневанного Алабаша, мысль пробила поток привычных для Хаджар размышлений. Ухватившись за своевременно всплывшее из памяти воспоминание, мысль эта стала довлеть над всем, заглушая чувство сострадания и прощения.

Как-то раз, в один из запойных дней Махмуда, Вера в слезах прибежала к Хаджар и избавилась от ноши, за долгие годы молчания превратившейся в неподъемный крест.

Вера знала, что правды достоин не каждый. От того она и доверила свою тайну Хаджар, казавшуюся ей такой величавой в своей недостижимой безгрешности. Вера рассказала ей, что там, в Брянске оставила мужа, спивающегося Виталия. Вместо того чтобы спасти его от проклятой напасти, она от него сбежала. Сбежала далеко-далеко, как ей тогда представлялось... «Потому и заслужила я все эти страдания», – подытожила Вера.

После той внезапной исповеди, и Хаджар не раз собиралась избавиться от молчания, за долгие годы, превратившегося в неподъемный камень. Так, однажды, покончив с мерками нового, выкроенного Верой платья, она хотела было снять этот камень с души, но комнаты у Веры вели одна в другую, и вдруг подувший с севера ветер с грохотом захлопнул одну, вторую, третью дверь и все распахнутые окна старого поскрипывающего по ночам дома.

Перепуганные женщины бросились тогда спасти вазу, водруженную Верой на сервант. Ваза царственно возвышалась на фоне картины, принадлежавшей кисти художника из Амираджан⁵. Но женщины не успели подоспеть вовремя, и выписанный розовой пастелью горный пейзаж обрушился на зеленое богемское стекло, расколов его на мельчайшие осколки.

В тот день шторм швырялся не только вазами, но и срывал кепки с голов рабочих, по неосмотрительности, вышедших на эстакаду для слива нефти. В тот день «Розовые горы», (подаренные Махмуду самим автором за услугу, которая никогда не обсуждалась вслух), были навсегда упрятаны за сервант, а

намерение Хаджар уже никогда не возвращалось к ней обратно. Все веревки Вера уже заполнила бельем, и, взяв внука на руки, она прошла в дом. Хаджар, подняла сверток с мышьяком и отошла от окна.

День 12:25

Хаджар не выходила на люди с непокрытой головой, и ее платков хватило бы на всех женщин городка еще не достигших совершеннолетия. От частой стирки они утрачивали яркость, предусмотрительная Хаджар потому и стирала их изредка. Всегда поражавшая своей благоухающей опрятностью, Хаджар могла себе это позволить. Шелковая и фланелевая, репсовая и шифоновая, атласная и ситцевая ткань платков носила на себе ее следы – розовая вода, мыло «Душистое» и запах тела, не познавшее кокетства. И каждое утро она надевала ожерелье. Посреди вереницы его золотых бусин была одна синяя из грошовой пластмассы – амулет от сглаза. Хаджар была немолода, но ходила с прямой спиной и красила волосы хной. Вот почему ее пальцы, усеянные кольцами из сплавленных золотых монет времен Николая Второго, были цвета несмываемой охры. Перед выходом из дома она покрывала свою сладко пахнущую гюлабомб голову пурпурным платком или васильковым келагаи⁷, и, когда неторопливой поступью вдовы она направлялась на службу – провожать усопших женщин прощальными напевами из священного Корана, – скрипучий ветер Абшерона трепал подолаы ее длинных юбок.

Но уже многие месяцы подряд Хаджар покрывалась черным платком, скрывавшим ее побелевшие волосы. И сегодня Хаджар спешила не на поминки. «Схожу в булочную... Пока халва совсем еще не остыла, надо завернуть ее в лаваш», – перебирала она в уме свои планы на день. «Отнесу потом в мечеть, раздам соседям, угощу Веру...»

При мысли о Вере Хаджар остановилась. Но не быстрая ходьба и не преждевременная для весны жара ее утомили. Чувство притихшей ревности, от самой же себя припрятанное ею подолом многолетнего равнодушия, было расколото этим утром несбывшейся мечтой о материнстве. В предвкушении рождения

ребенка прошли годы однообразной жизни Хаджар, но мечта эта, обойдя ее дом, воплощалась под соседней крышей. Поначалу в дочери, а теперь уже во внуке Веры.

К Хаджар вернулось это ненавистное, порабощающее чувство, от которого каждый раз к горлу подступал горький на вкус ком обиды. По ночам, когда голова ее уже не была забита решением повседневных дел, ревность подползала к ней, обернувшись бессонницей. Тогда, в темноте дома, невидимая никому, Хаджар давала волю слезам, уверенная в том, что громкий храп мужа заглушает и ее всхлипывания. И ни одна душа в Городке не знала и не подозревала, какую незаживающую рану носит в себе мулла Хаджар. Кроме, разве что, Всевышнего... Да и тот лишь растерянно перебирал ее отчаянные послания.

Узнав, что ее без пяти минут жених приехал из России с русской женой, Хаджар в отместку вышла за лопухого Агасалима, и по жестокой иронии судьбы, дом ее мужа располагался по соседству с Махмудом. Поняв, что нанесенная ей обида никогда не утихнет, Хаджар призвала все свои силы к тайной борьбе. Ее молитвы и заклинания, безмолвные проклятья и скрытая жажда мести обратились против счастья Махмуда, и это рвение не оказалось напрасным. Все мольбы Хаджар были услышаны. Может, и не Всевышним, может, подхвачены они были Иблисом, но так или иначе теперь Махмуд, или то, что от него прежнего осталось, и его некогда красавица-жена, пробуждавшая в мужчинах Городка чувственные надежды, не раз являвшиеся к ним в их сновидения, вызывали в ней долгожданное равнодушие.

Лишь иногда Хаджар посещали беспокойные мысли. Когда в летнее время, в недолгих перерывах от своих пьяных загулов, Махмуд посиживал на каменной скамье у ворот отцовского дома, и, когда праздные его пальцы подносили к губам очередную сигарету, Хаджар задерживала свой взгляд на его обнаженных по локоть загорелых руках. Смотрела она всего мгновение, но увиденного ей хватало надолго, и от этих воспоминаний она потом не отмахивалась. Целую галерею обнаженных рук чужого мужчины хранила преданная память Хаджар.

Место под тенью тутовника, где обычно скоротал время Салман-

голубевод, было свободным. Хаджар огляделась. Но ни справа (в той стороне, где улица выходила на центральную трассу нашего Городка), ни слева (в той стороне, где отлогая дорога вела вниз, – туда, где в годы юности Хаджар под куполом летнего кинотеатра крутили индийское кино и черно-белые фильмы) никого не оказалось. Только ветер шумел, только мятая банка с надписью «Red Bull» катилась по нагретому асфальту, только души умерших мягко пролетали над кроной тутовника.

Поняв, что ее безбожная мысль была застигнута лишь ею, а страхи отдаются в учащенном пульсе всего-навсего ее сердца, Хаджар облегченно вздохнула, подошла к каменной скамье и присела.

На стволе дерева (его она помнила с тех пор, когда оно еще не было таким, как сейчас, высоким) кто-то нетвердой рукой выцарапал инициалы: $H + M = \heartsuit$.

Взгляд Хаджар скользил по необъятному стволу дерева, посаженного еще отцом Бала Игида. Игидом, вспомнила Хаджар, звали-то, на самом деле отца того безбашенного парня, его же самого – Бала, но все почему-то называли его Бала Игидом⁸. Вспомнила Хаджар и другое – то, что долгие годы тому назад обсуждалось на каждом углу Городка крикливыми женщинами и застенчивыми мужчинами.

Как-то раз товарищ Бала Игида пригласил его на свадьбу своего сына. Товарищ был узбек, и Бала Игид отправился на поезде в Узбекистан. Не доехав еще до кишлока, он сошел на соседней станции, купил молодого бычка, нанял музыканта, и в компании еще не заколотого бычка и старательного музыканта, дующего изо всех сил в зурну, он добрался до нужного адреса... В Городке Бала Игид негласно торговал анашой, исправно поставляемой ему из сердца советской Азии, и товарищ-узбек не раз потом навещал его в Баиловской⁹ тюрьме.

Безголосую тишину улицы внезапно нарушил шум мотора. Из открытых окон мчавшегося на всех скоростях «Hyundai», доносилась музыка. Ее мотив показался Хаджар знакомым. – Пам-парара-рам, парара-рам, пам... – стала повторять она вслух напев красивой мелодии. На короткое время ей показалось, что звучит она с экрана того самого летнего клуба, где каждую

субботу в предвкушении нового фильма жители Городка заполняли все места, после окончания сеансов, забывая там свои влажные носовые платки. На короткое время ей показалось, что стоит она в дверях родительского дома – еще только на пороге своей будущей жизни. Жизни, вскоре подменившейся хладнокровным словом «qismət»¹⁰.

«Пам-парара-рам, парара-рам, пам...», – продолжала она напевать, но уже про себя, как в это самое мгновение перед ее глазами возникло бесстрастное и мужественное лицо французского киноактера. «Как же! Это ведь музыка из того фильма... с Габеном!». Хаджар удивилась тому, что из мутных глубин ее памяти всплыло нечто совершенно утерянное, а может и вовсе – ей уже не принадлежавшее. «Жан Габен пытается спасти Делона...», – медленно соединяла обрывки своих зыбких воспоминаний Хаджар. «Интересно, жив еще Ален Делон? Наверное, постарел совсем...». Широкий зонт тутовника удерживал ее под своей прохладой, но Хаджар все же встала со скамьи и оправила платье. «Hyundai» с музыкой давно скрылся из виду, как и исчезло из ее головы недавнее намерение покончить с Верой халвой отравленной мышьяком.

Хаджар приблизилась к дереву. Ствол тутовника казалось, не удерживал тепла весеннего солнца. («Сколько ему лет? Семьдесят? Сто?») Разглядывая, оставленные на дереве надписи, воткнутый кем-то ржавый гвоздь, она невольно задержала свой взгляд и на своем обручальном кольце.

Хаджар осторожно отклеила пластырь, и в который уже раз отметила про себя, что покойный муж и после смерти продолжает навещать ее в сновидениях, предупреждая ее о том, что боль – дело неизбежное, пока живешь на белом свете. Агасалим, послушавшийся родителей и взявший в жены ранее помолвленную девушку («Что скажут на это люди?! – не уставала повторять его мать, то и дело, угрожая сыну своим артериальным давлением, повышающимся «от нервов» до критической отметки), прожил все годы их брака в ее уважении и абсолютной нелюбви.

«Молодец Бала Игид! Каким бы ни был, но дерево-то не дал срубить», – думала Хаджар, как в это самое время со скрипом отворилась зеленая дверь соседнего дома. Известная на весь

Городок не только своими тонко раскатанными кутабами, но и отменным слухом, особенно чувствительным к самым последним новостям, Шейда по кличке Би-би-си выглянула на улицу. Зная, что разговор с ней может занять уйму времени, Хаджар коротко кивнула ей издалека и направилась вниз по улице.

«Страмблиджи – неудачник. Ему не повезло», – вновь память вынесла на поверхность осколок прошлого – реплику из того фильма... Звучание полуденного азана уже заглушило мелодию, которая все еще раздавалась в ее голове, но Хаджар несколько не торопясь, свернула в сторону булочной, ничуть сегодня не сожалея о пропущенной молитве. «В моей безгрешной жизни – грех хоть раз не согрешить, – решила она, и на ее губах появилась едва заметная улыбка.

Вечер 17:55

Дом одинокого человека, думала Хаджар, после смерти его хозяина не должен становится местом для кривотолков. Вот почему Хаджар не впускала в свой дом ни соринку на полу, ни пылинок, на расстроенном пианино, ни следов на скатертях или простынях. Весь сор из дома она выметала метлой, от пыли избавлялась через день, а с пятнами крови, которые временами появлялись на ее простынях, было покончено давным-давно. То, что долгое время казалось Хаджар обременительной рутинной – кипячение белья и случайно запачканных простыней, – с прекращением месячных стало для нее признанием поражения.

«Вот и все», – подумала тогда Хаджар, поняв, что уже и сама природа отняла у нее способность к деторождению... Так же и сегодня, раздав часть халвы соседям, а другую, передав привратнику в мечети, она взялась за уборку: протерла полы, избавилась от залежалых продуктов из кладовки, выбросила отравленную мышьяком порцию халвы в мусорный бак.

Близилось время вечернего намаза. Хаджар приступила к омовению.

18:25

Хаджар воздела руки к небу и стала нашептывать молитву Аль-

Асра11.

18:34

Закатав молитвенный коврик, Хаджар положила его в ящик дубового комода, где лежали Коран и спутанная связка разноцветных четок мужа. Единственное, что она сохранила в память об Агасалиме. Всё остальное после его смерти пришлось раздарить.

На комоде, покрытом льняной скатертью-дорожкой, стояло овальное зеркало, опоясанное шелковой лентой, когда-то красной, но теперь уже выцветшей. Только выгравированная золотом надпись «Hoşbəxt olun!»¹² не лишилась своего сусального блеска.

Взглянув на свое отражение в зеркале, она стянула с головы платок и распустила свои побелевшие волосы, только на самых кончиках удерживающие следы от хны. Хаджар вспомнила, как на следующий день после визита Азраила в их дом, это зеркало, как и все остальные отражения в доме, покрылось черной тканью.

Азраил оказался вовсе не таким, каким его изображали жители Городка. Мужчина средних лет с лицом умным и располагающим к себе, и слегка ироничным – повидавшим словно многое на своем пути, но в то же время, умеющим об этом помалкивать. Он приблизился к кровати Агасалима и тотчас пленил его своим обаянием.

О чем говорил муж с Азраилом, Хаджар так и не узнала, но, когда напольные часы отбили двенадцать, Агасалим произнес: – Сорви мне алычу с нашего дерева и начни уже готовить плов. В четыре часа я уйду.

Улыбнувшись ему своей неотразимой улыбкой, Азраил сказал: «Пойдем. Я покажу тебе кое-что», – и, не дождавшись его ответа, направился к выходу. Обычно рассудительный, взвешивающий каждый свой полусаг, Агасалим шел за ним уверенно, и ему казалось, что путь, ведущий к их парадной двери, длится не 25 шагов (он имел такую привычку: все подсчитывать), а целых 25 минут. «Как в замедленной съемке. Как в кино...», – успел только подумать Агасалим, невольно

созерцая неторопливую поступь ангела смерти, как вдруг Азраил обернулся, вновь улыбнулся и открыл ему дверь отцовского дома... Влажная подсиненная подушка («Кажется, с синькой я на этот раз перебрала»), давно потерявшие свой черный цвет фрагменты выпавших волос на мятой простыне и тело, лишившееся души – вот и все, что осталось от Агасалима. «Вот и все», – подумала тогда Хаджар.

21:27

Хаджар закрыла окно в спальне, зная, что ветер вновь обнесет дом песком. («Хоть каждый день протирай комнаты... Все без толку»).

А ветер в наш Городок всегда возвращался внезапно. И редко ему было довольно одного дня – порой он исторгал свою страсть неделями, пробегая галопом по шиферу асфальтовых крыш, обламывая ветки еще неустойчивых деревьев, вздымая юбки женщин и срывая портреты некрасивых мужчин, – плакаты кандидатов на пост главы Городка. В домах же он бесцеремонно раздувал занавески, хлопал дверьми, разбивал вазы (как это однажды и случилось с вазой Веры), а, если я по неосмотрительности оставляла черновики на окне, то к утру доставала их из-под кровати.

Но для Хаджар его громкий шепот был спасением – ветер не давал ей почувствовать себя одной в притихшем доме, и всегда, думала Хаджар, он возвращался к ней вовремя. Если же это случалось весной, то запахи сладкой акации и сирени – не удушливые, а едва доносившиеся благодаря порывам вернувшегося ветра – напоминали ей о том, что жизнь хоть и бессмысленна, но все-таки прекрасна. Стрекот неугомонных сверчков, наводнявший двор с наступлением теплых дней, лишь подтверждал это ее предположение. В такие дни она утешала себя мыслью, что не стоит торопить смерть: какой бы долгой ни была дорога Азраила, тот рано или поздно придет и за ней.

«Завтра позову Веру. Вместе попьем чаю... Новые розетки достану для черешневого варенья... А ту – с поломанным краем – выброшу. Давно пора избавиться от нее насовсем», – подумала Хаджар,

засыпая.

-
1. Зухр – полуденная молитва, обеденный намаз.
 2. Самая распространенная молитва в исламе. Первая сура Корана.
 3. Почтительное обращение к мусульманам-шиитам, совершившим паломничество в 4Мешхед – город в Иране, где расположен мавзолей Имама Резы.
 4. Деревянная беседка на высоких сваях.
 5. Поселок на Абшероне.
 6. Концентрат из лепестков розы.
 7. Азербайджанский традиционный шелковый.
 8. Игид – (İqíd) джигит в переводе с азербайджанского языка.
 9. Следственный изолятор, расположенный в поселке Баилово города Баку.
 10. Qismət – судьба, рок в переводе с азербайджанского языка.
 11. Аср – послеполуденная обязательная молитва.
 12. «Будьте счастливы!» в переводе с азербайджанского языка.

Об авторе: НОННА МУЗАФФАРОВА

Прозаик, кинорежиссер, фотограф. Родилась в Баку, там же окончила факультет кинорежиссуры Университета культуры и искусств. Режиссер-постановщик и автор сценария нескольких документальных, игровых фильмов. Живет в Москве. Слушательница Высших Литературных курсов (мастерская прозы Е.А.Попова).
Neçaýalar